

Трильби

Джордж Дюморье

Перевод
Татьяны Лешенко-Сухомлиной

Москва
2024

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д96

Дюморье, Джордж.

Д96 Трильби / Джордж Дюморье ; рисунки автора ; перевод с английского Татьяны Лещенко-Сухомлиной. — Москва : Эксмо, 2024. — 544 с. : ил. — (Время для желаний).

ISBN 978-5-04-195312-6

Трильби О'Фиррэл — молодая девушка, которая живёт в Париже и зарабатывает на жизнь тем, что позирует для скульпторов. При полном отсутствии музыкальности она тем не менее очень любит петь. И совсем скоро она станет певицей, однако не так, как Трильби бы того хотелось — с помощью гипноза и коварства гениального, но злого музыканта Свенгали.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Лещенко-Сухомлина Т.И., наследники,
перевод, 2024
© Оформление. 000 «Издательство «Эксмо»,
2024

ISBN 978-5-04-195312-6

*Я знаю песенку: она
То весела, а то грустна...¹*

¹ Переводы стихов во всех случаях, где не указан переводчик, принадлежат Т. И. Лещенко-Сухомлиной.

Часть первая

*Платъице да чепчик —
вот и всё богатство
белокурой Мими Пэнсон¹.*

День в апреле выдался чудесный — то шумел весенний ливень, то вновь сияло солнце.

Лёгкий северо-западный ветерок струился в мастерскую сквозь открытую фрамугу огромного окна. По-видимому, всё наконец было на своих местах и в порядке. Полуконцертный рояль Бродвуд прибыл из Англии малой скоростью. Его только что настроили и поставили у восточной стены, а на противоположной развесили рапиры, маски для фехтования и перчатки для бокса.

С массивной балки, проложенной под потолком, свисали трапеции, канат с узлами и кольца. Стены мастерской были, как обычно, мутно-красного цвета, но их оживляли белые гипсовые

¹ Мими Пэнсон — героиня одноимённой повести Альфреда Мюссе. «Пэнсон» — значит зяблик.

слепки рук и ног, маска Данте, горельеф «Леда и Лебедь» Микеланджело, кентавр с лапитом из коллекции мраморов Элджина¹, — ни одна из этих вещей не успела ещё покрыться пылью. Тут же висели этюды маслом с обнажённой натуры и копии картин Тициана, Рембрандта, Веласкеса, Рубенса, Тинторетто, Леонардо да Винчи, но школа Боттичелли, Мантеньи и др. совсем не была представлена — художников этого направления многие ещё не оценили по достоинству.

Высоко вдоль стен на широких полках лежало множество других слепков в гипсе, терракоте, под бронзу; статуэтки Тезея, Венеры Милосской и Дискобола; фигурка какого-то жалкого человечка с содранной кожей, грозящего небесам (что в его состоянии казалось вполне оправданным и вызывало лишь сочувствие!); «Лев и кабан» работы Бари; анатомический муляж одноногой лошади с отбитыми ушами, голова коня — тоже безухого — с фронтона афинского Парфенона; и бюст Клитии, с её прекрасным невысоким лбом, сладостно туманным взором и лёгким наклоном милых её плеч, благодаря которому грудь её кажется прибежи-

¹ Элджин — английский дипломат, в начале XIX века вывез из афинского Акрополя множество статуй, составивших коллекции древнегреческой скульптуры Британского музея.

щем и отдохновением — как воплощение всего извечно любимого и желанного, всего того, чего ищут и за что борются из рода в род сыны человеческие.

У печки висели рашпер, сковородка, длинная вилка, чтобы подрумянивать хлеб на огне, и ручные раздувательные мехи. Рядом в угловом буфете за стеклом лежали ножи с почерневшими черенками, простые ложки и трезубые вилки, стояли тарелки и стаканы, салатница, склянка с уксусом и бутылъ с прованским маслом, две горчичницы (для французской и английской горчицы) и разная домашняя утварь, — всё безукоризненно чистое. На полу, окрасить и навоштить который стоило больших усилий, лежали две рысьи шкуры и большой персидский ковёр. Часть пола (под трапезной в самом дальнем углу от окна, позади помоста для натуры) была покрыта циновками, чтобы можно было фехтовать и заниматься боксом, не рискуя поскользнуться, а уж коли упадёшь — то чтобы не переломать костей.

Два других окна обычных размеров, со створчатыми ставнями и занавесями из грубой, простой ткани, выходили на восток и запад, чтобы по желанию впускать или не впускать в мастерскую лучи рассвета или заката. Различные ниши, закоулки и углубления в стенах со временем можно было заполнить всяческими

мелочами и безделушками, давно привычными или вновь приобретёнными, благодаря которым жилище становится уютным, родным и домашним, а когда расстанешься с ним, так приятно о нём вспомнить и, вспоминая, вздохнуть с каким-то отрадным сожалением.

Необъятный диван раскинулся как раз под огромным северным окном — под рабочим окном, — диван такой вместительный и глубокий, что трое довольно упитанных и рослых англичан могли вместе развалиться на нём, отнюдь не мешая друг другу, и лениво покури-вать, — частенько они так и делали.

В данную минуту один из этих англичан, уроженец Йоркшира, по имени Таффи, по прозвищу Знатный Малый (ходили слухи, что он дальний родственник какого-то баронета), занимался куда более важным делом. В рабочих штанах и рубашке с засученными рукавами он крутил над головой две увесистые гири. Лицо его горело, пот лил с него ручьями, и выглядел он весьма устрашающе. У этого молодого, очень высокого блондина с добрыми голубыми глазами, которые легко вспыхивали гневом, были загорелые руки и стальные мускулы. В течение трёх лет он служил под знаменем её величества и прошёл всю Крымскую кампанию без единой царапины. Он безусловно стал бы одним из прославленных «Шестисот» при знаменитом

штурме Балаклавы¹, если бы не вывихнул себе лодыжку (плачевный результат игры в чехарду в траншее), из-за чего весь тот знаменательный день пролежал в госпитале. Таким образом он упустил случай прославиться или пасть смертью храбрых, и эта досадная неудача навсегда отбила у него охоту к военной службе. Почувствовав к тому времени непреодолимое влечение к искусству, он вышел в отставку и теперь в Париже был занят по горло, как мы уже могли в этом убедиться.

Он был хорош собой, с правильными чертами лица, но должен сознаться, что, помимо пышных кавалерийских усов, он, к сожалению, носил ещё огромные рыжие бакенбарды, известные под названием «плакучие ивы Пикадилли» и украшавшие впоследствии мистера Созерна в роли лорда Дундрири. Такова была мода в ту пору у тех представителей нашей золотой молодёжи, у которых было достаточно времени (да и волос): чем пышнее были бакенбарды, тем красивее считался их обладатель! Это кажется невероятным в наши дни, когда даже у дворцовой охраны её величества королевы Виктории гладковыбритые щёки и подбородки — совсем как у католических священников или актёров.

¹ Штурм Балаклавы отрядом английской кавалерии (25 октября 1854 года) — эпизод Крымской войны.

Что случилось с золотом,
На грудь их ниспадавшим?..

Второй жилец этой благословенной обители — Сэнди, или Лэрд, Боевой Петух, как его называли, — облачённый в такой же непритязательный костюм, как и его собрат по искусству, сидел за мольбертом и писал картину в натуральную величину: «Тореадор, поющий серенаду знатной испанке» (среди бела дня!). Лэрд никогда не бывал в Испании, но зато у него был настоящий костюм тореадора, купленный им за бесценок на бульваре Тампль, а также взятая напрокат гитара. В зубах у него была потухшая трубка, опрокинутая вниз чашечкой, и пепел сыпался на его штаны, что не раз бывало причиной появления в них новых дыр.

Внезапно он начал декламировать с приятным шотландским акцентом:

Есть улица одна в Париже,
К ней рифму подобрать нельзя,
Зовётся Рю де Пети Шан,
Что значит — «Малые поля»...

В полном восторге от сего бессмертного четверостишия, он громко фыркнул, и на лице его отразилось такое блаженное удовольствие и неподдельное веселье, что на него приятно было смотреть.

Он тоже не сразу посвятил себя искусству. Его родители (добропорядочные, богобоязненные люди из Данди) намеревались сделать из него стряпчего, какими были его отец и дед. Но вместо этого он проживал в Париже, считался довольно известным художником, писал тореадоров и часто от полноты сердца читал вслух «Балладу о буйабессе»¹, бесспорно гораздо чаще, чем читал на ночь молитвы.

Третий, самый молодой из них, стоял на коленях на диване, облокотясь на подоконник северного окна. Его звали Маленький Билли. Отодвинув зелёную штору, он глядел во все глаза на крыши и трубы Парижа, задумчиво жуя бутерброд с колбасой, которая, судя по аромату, была обильно сдобрена чесноком. Он ел с нескрываемым удовольствием, ибо был очень голоден, — он провёл всё утро в студии Карреля, рисуя с натуры.

Маленький Билли был невысок и строен, лет двадцати или немногим более; у него был чистый высокий лоб с синими прожилками, большие тёмно-синие глаза, тонкие правильные черты лица и чёрные как смоль волосы. Он был хорошо сложен и грациозен, с маленькими руками и ногами, и одевался гораздо лучше

¹ Буйабéсс — знаменитая марсельская уха из разных рыб, омаров и креветок.

своих друзей, которые изо всех сил старались перещеголять обитателей Латинского квартала в небрежной манере одеваться, что им вполне удавалось. В красивом и милом лице Маленького Билли был слабый намёк на возможность происхождения от весьма отдалённого еврейского предка — капелька этой сильной, неуязвимой, стойкой, непобедимой крови, в малых дозах столь же драгоценной, как и сухое испанское белое вино монтихо, которое обычно не пьют в чистом виде, но без законной примеси которого ни один херес в мире не сохранит своего букета в неприкосновенности, или же как прославленные наследственные качества бульдогов, сами по себе не столь уж прекрасные, однако необходимые любой борзой, если она питает надежду когда-либо завоевать медаль на собачьей выставке. Так по крайней мере говорили мне виноторговцы и любители собак — самые правдивые люди на свете. К счастью для вселенной и человечества, у большинства из нас есть хоть капелька этой драгоценной крови, заметно это или незаметно, знаем мы об этом или нет. Тем хуже для меньшинства!

Маленький Билли ел свой бутерброд и глядел вниз на людской муравейник — площадь св. Анатоля, покровителя искусств, и на старые дома напротив, многие из которых разбирали на слом, прежде чем они не рухнут по

собственному почину. Через зиявшие трещины виднелись потускневшие мрачные стены, причудливые окна и заржавленные чугунные балконы, остатки глубокой древности, вид которых пробуждал грёзы о любви, пороках и преступлениях средневековой Франции, о тайнах старого Парижа.

Сквозь широкий пролом он видел излучину реки, часть древнего Ситэ¹ и угол зловещего старого Морга, а немного правее серые башни собора Парижской Богородицы поднимались ввысь к лёгкому, покрытому курчавыми облаками весеннему небу. Казалось, перед ним лежит весь огромный Париж, и он созерцал его как нечто доселе невиданное, с жадным интересом и радостью, преисполненный чувством, выразить которое слова были бы бессильны.

Париж! Париж!! Париж!!!

В самом этом слове таилось нечто волшебное, представлял ли он его себе как звук, слетевший с губ, или как видимый взору магический знак. И вот наконец перед ним было живое воплощение этого слова, и он, собственной персоной, находился в самом его сердце, чтобы жить здесь и учиться столько, сколько

¹ Ситэ — остров на Сене, на котором в начале нашей эры был основан город Лютеция, впоследствии названный Парижем.

ему заблагорассудится, и стать великим художником, как он мечтал.

Покончив с бутербродом, он закурил трубку, бросился на диван и глубоко вздохнул от избытка радости, переполнявшей его сердце.

Он чувствовал, что никогда не знал, никогда и мечтать не смел о возможности такого счастья, хотя в прошлом жизнь его протекала вполне безмятежно. Он был нежным, неискушённым юношей, наш Маленький Билли, в детстве не посещал школу, совсем не знал жизни и её коварства, а французские нравы, дух Парижа и его Латинского квартала были ему и вовсе не знакомы. В Англии он воспитывался и учился дома, отрочество провёл в Лондоне с матерью и сестрой. Обе они жили теперь на довольно скудные средства в Девоншире. Покойный отец его служил клерком в Лондонском казначействе.

Маленький Билли и его товарищи Таффи и Лэрд сняли эту мастерскую втроём. Лэрд ночевал в маленькой спальне тут же. У Таффи была комната в отеле «Сена» на улице того же названия. Билли снимал номер в отеле «Корнель» на площади Одеон.

Глядя на своих друзей, он думал, что, пожалуй, ни у кого на свете нет таких чудесных товарищей, как у него.

Что бы они ни говорили, что бы ни делали — всё казалось ему верхом совершенства. Они яв-

лялись не только его друзьями, но руководителями и наставниками и, со своей стороны, были горячо к нему привязаны.

Таффи и Лэрда умиляла его непоколебимая вера в них, хотя в глубине души они понимали, что она несколько преувеличена и что они не совсем её заслуживают. Девическая чистота его помыслов забавляла и чаровала их, и они делали всё от них зависящее, чтобы сохранить её в неприкосновенности даже в Латинском квартале, где душевная чистота подвергается опасности, если её хранят слишком долго.

Они любили его за доброе сердце, за жизнерадостность и врождённую деликатность — и восхищались им гораздо больше, чем он подозревал, безоговорочно признавая его острую пронизательность и тонкое чувство цвета и формы, безусловную творческую одарённость, способность с лёгкостью воспроизводить натуру — восприимчивость ко всему прекрасному в природе и радостную готовность воплотить это прекрасное в искусстве, — словом, всё то, что не было отпущено им самим такой полной мерой и что свидетельствовало (как они бескорыстно признавались в этом себе и окружающим) о подлинном таланте.

А когда один из наших ближних обладает им в такой неограниченной степени, мы либо любим, либо ненавидим нашего ближнего,